

Это была бесконечная тьма, такая тьма, будто сами тени застилали мне зрение, и куда бы я ни смотрел, я ничего не видел. Был ли я вообще в сознании, если бы я был, если бы мои глаза были открыты, или драгоценная семерка септы Кейтилин сочла нужным украсть мое видение за совершение преступления рождения грешным ублюдком. Нет, этого не может быть, эти андальские пизды такие же воображаемые, как и ее мечты сделать Сансу королевой. Если я не потерял зрение, то где я? почему нет света?

Я попытался пошевелиться, но я не мог контролировать свои конечности, и все же они не чувствовали себя связанными, а скорее я не чувствовал себя таким расслабленным, как если бы я парил во тьме. Без всякого предупреждения тьма начала распутываться, когда росло пятнышко света, нет, оно не росло, оно приближалось ко мне со скоростью, которую я не мог понять. Пятнышко света больше не было пятнышком, поскольку оно начало раскрываться по мере приближения ко мне, оно было больше похоже на копье. В этот момент я начал чувствовать страх, что происходит, старые боги, я схожу с ума, не так ли? это должно быть единственным объяснением. Я попытался пошевелиться, но все еще не контролировал свои конечности, и, прежде чем я смог сделать еще одну попытку, копье света ударило меня, и в моей груди вспыхнула жгучая боль, боль утихла, и было уже не так темно.

Я был рад узнать, что я не слепой, но я не знал, было ли это хуже, потому что, куда бы я ни посмотрел, везде были груды снега, но я не чувствовал холода и, к моему большому облегчению, наконец-то почувствовал свои конечности. Прежде чем я успел поблагодарить старых богов за малую милость или еще раз задуматься о том, что происходит, я почувствовал, что за мной наблюдают, и повернулся, чтобы увидеть огромный и бесконечный поток существ с самыми навязчиво-ледяными голубыми глазами, стоящими почти в строю. существо, не похожее ни на что другое, шагнуло ко мне, его изможденное лицо было бесстрастным, но в его глазах отражался юмор, и что-то похожее на корону украшало его голову, нет, не корону, скорее, это были рога, торчащие из его черепа, почти имитирующие корону. . Он стоял передо мной на расстоянии вытянутой руки, я хотел закричать, но казалось, что старые боги забрали мой голос в обмен на мои конечности, но это было напрасно, потому что страх, который я чувствовал, сковывал меня на месте.

Существо продолжало смотреть на меня, блеск юмора в его неестественных глазах становился все ярче, и он произнес всего одно слово «жалко», страх, который я ранее испытывал, превратился в чистую ярость, какое право имел этот ублюдок судить меня, кто он такой, чтобы называть меня жалким? Я покажу ему жалко! Существо начало смеяться, как будто могло читать мои мысли и нашло их забавными, небрежно махнув рукой, что только еще больше разозлило меня, но прежде чем я успел преподать ему урок, сама земля начала трястись, армия существ начала мерцать. прежде чем исчезнуть из существования, и того, что когда-то было заснеженной местностью, больше не было.

Я снова оказался в незнакомом месте, но было почти неопределимое чувство принадлежности, ощущение дома. Когда я начал осматриваться, я заметил, что нахожусь в какой-то пещере, в воздухе был горелый оттенок, стены пещеры, казалось, почернели от какого-то огня, но какое пламя могло быть достаточно сильным, чтобы сделать это. Я чувствовал побуждение углубиться в чужую пещеру, и чем дальше я спускался во тьму, во мне в равной степени струились ужас и то, что можно было бы описать только как чистое ликование. Я больше не мог видеть, но желание становилось сильнее и заставляло меня продолжать свое путешествие в бесконечную бездну. Где я, черт возьми, и почему я не схожу с ума прямо сейчас, на самом деле, почему я взволнован, находясь в какой-то случайной пещере, да, есть только одно объяснение, что я определенно сошел с ума.

Прежде чем я осознал это, мое тело снова стало неподвижным, и вот когда это произошло, передо мной появились два зеленых шара, шары напомнили мне глаза рептилии, но ни у одной рептилии не было таких мощных глаз. В зеленых глазах было что-то дикое, почти драконье. Было странно видеть пару светящихся в темноте глаз, изучающих меня, но в них было что-то знакомое, и, прежде чем я осознал это, волна огня хлынула в пещеру, омывая меня, заставляя меня инстинктивно закрыть глаза, но я не чувствую боли, только облегчение, как будто украденная часть меня наконец вернулась. Когда мир вокруг меня исчез, я услышал, как потусторонний голос произнес: «Адери исса кош ао джахор сагон хае мэре се вис джахор го ао. Tolvie vala, ābra se riñnykeā rȳbagon aōha vāedar, se vāedar hen suvion se perzys bisa nyke kivio aо haeda zaldrīzes».

Как только я открыл глаза, я снова оказался в незнакомом месте, но вместо снега или тьмы там был только туманный свет и дерево-сердце с самым странным вороном, сидящим на ветке, потому что вместо обычных двух глаз у него были третий глаз, который, казалось, обладал интеллектом выше, чем у простого животного. Издалека я видел, как ко мне идет женщина, я не мог разобрать никаких черт, но в глубине души я знал эту женщину. Она стояла передо мной как не более чем размытое пятно, ее руки, казалось, дрожали, когда она подняла их, чтобы погладить меня по щеке «Я люблю тебя, сын мой», — прохрипела женщина. Была ли это моя мать? Я попытался заговорить, но мой язык онемел, я попытался дотянуться до нее, но она исчезла в водовороте света, и на ее месте осталась только зимняя роза. Нееет... вернись, пожалуйста, мама, вернись, возьми меня с собой.

Я не мог не упасть на колени в агонии, слезы начали течь из моих глаз, пожалуйста, мама, вернись. Я повернулся к ворону только для того, чтобы он наклонил голову влево, прежде чем он, казалось, слился с тенями, оставив меня в одиночестве с сердечным деревом. Возможно, если я помолюсь старым богам, они вернут мне мою мать, но прежде чем я успел начать, кроваво-красный сок начал бесконтрольно вытекать из глаз сердечного дерева, как будто оно плакало. Я попытался сделать шаг назад, только чтобы наткнуться на кого-то, и когда я повернулся, я снова столкнулся лицом к лицу с ледяным существом только для того, чтобы он схватил меня за шею и поднял меня с земли, как будто я был невесомым. Его прикосновение было таким холодным, будто я погрузился в ванну со льдом, его неестественные голубые глаза сияли от удовлетворения, когда он бросил меня на землю только для того, чтобы обнажить лезвие, сделанное из льда, и быстрее, чем я мог видеть, я почувствовал, как лезвие пронзает мою грудь снова и снова. Сначала я ничего не почувствовал, только жгучая боль взорвалась внутри моего туловища, я попытался вдохнуть, но все, что я мог сделать, это попытаться не захлебнуться кровью, которую я кашлял. Когда я медленно истекал кровью до смерти, эфирный голос вернулся: «Только смерть может заплатить за жизнь», и борьба оставила меня, когда я наконец закрыл глаза, принимая это.

Джон проснулся в бешенстве, сны становились все более и более яркими в последнее время, и все они заканчивались тем, что какое-то голубоглазое существо убивало его. Мне действительно нужно перестать обращать внимание на сказки Старой Нэн, иначе я сойду с ума, как она, и никогда не смогу спокойно спать. Мысль о Старой Нэн вызвала у Джона улыбку на лице, она была одной из немногих людей в Винтерфелле, которые не смотрели на него, как на бич богов, и не обращались с ним так, как будто он был настоящим Старком. Это была одна из причин, по которой он любил ее, хотя он знал, что никогда не сможет стать настоящим Старком, это никогда не мешало ей любить его так же, как его родных братьев и сестер.

Чего нельзя было сказать о леди Старк и ее свите, прибывшей с ней из Речных земель после ее замужества с лордом Старком, эти южные козлы так ненавидели его всеми фибрами своего существа, что не проходило и дня без какой-либо формы оскорбления, брошенное в его сторону. Ему ничего не хотелось, кроме как взять свой клинок и срубить всех андалов до

единого, но он все еще помнил свое наказание, когда в последний раз избил одного из охранников до потери сознания после того, как эта пизда стала называть его мать шлюхой. Он помнил, как чувствовал нарастающую нечеловеческую ярость, когда все затуманилось красным пятном, и к тому времени, когда к нему вернулось нормальное зрение, тот же охранник превратился в разбитое и кровавое месиво. Леди Кейтилин хотела, чтобы его отправили к стене за то, что он сделал, и это был первый раз, когда он увидел разочарование в глазах своего отца, но это, казалось, только разозлило его, когда он набросился, как бешеный волк, когда его отец спросил его, почему он сделал то, что сделал.

Леди Старк всегда называла его неуправляемым ублюдком, которого нужно учить, как подчиняться высшим, как будто кто-то из этих слащавых южан лучше его просто потому, что их родители решили трахаться после того, как какие-то воображаемые захолустные божества благословили их союз. Он фыркнул от удовольствия, вспомнив, как он поделился своими мыслями с леди Кейтилин перед всеми северными лордами, когда они пришли отпраздновать праздник урожая всего две луны назад, и как она прокричала кровавое убийство из-за его дерзости оскорбить ее богов и то, что она называла святостью святого союза. Его отец мог только разочарованно покачать головой и изо всех сил стараться успокоить его истеричную жену, но Джон знал, что многие северяне соглашались с ним, потому что некоторые даже имели наглость открыто смеяться, а лорд Амбер даже провозглашал, какими были Андалские боги. слишком душно для их же блага, из-за чего леди Кейтилин бросила на мужчину взгляд, который обычно предназначался только ему. В его защиту она начала все это, утверждая, что, будучи незаконнорожденным, он не имеет права праздновать с истинными наследниками Севера и что дому Старков будет стыдно позволить низкорожденному незаконнорожденному сыну свободно общаться с его лучшими, но он знал, что правда заключалась в том, что параноидальная форель просто боялась, что он снискает расположение дворян и заручится их поддержкой, чтобы украсть Винтерфелл.

Было время, когда он ничего не хотел, кроме как быть истинным Старком и наследником севера, но когда он начал расти, ему было все равно, что у него есть имя или право рождения. Были две вещи, которые он хотел больше всего на свете: во-первых, узнать о своей матери, но с постоянным отказом отца говорить по этому поводу, он даже не называл ему ее имени, то ли из стыда, то ли из-за чего-то еще, чего он не мог понять. Таким образом, Джон пришел к выводу, что его отец никогда не скажет ему, кто она такая, несмотря на то, что он постоянно обещал, что когда-нибудь это сделает, почетная моя задница, у этого человека был ублюдок, которого он привез с собой, чтобы жить со своей женой и законнорожденными детьми, позволив тому же самому. женщина обращается со мной как с пятном, хотя это он нарушил свои клятвы. В результате Джон решил, что, поскольку у него не может быть первого, у него будет второе желание, которое заключалось в путешествии по Узкому морю, чтобы он мог исследовать мир в свое удовольствие, и никто не мог остановить его, так как он был ублюдком. ничто не связывало его во имя долга.

Джон знал, что для того, чтобы воплотить свою мечту в реальность, ему нужно быть как можно лучше подготовленным как к боевым действиям, так и к знаниям, необходимым для выживания на восточном континенте. Это означало, что ему пришлось выучить множество иностранных языков, которые использовались за Узким морем, а также множество обычаев и традиций каждого города. Он уже начал изучать как можно больше под опекой мастера Лювина, свободно владея высоким валирийским и браавосским языками, которые были незаконнорожденной формой первоначального высокого валирийского языка. Он не мог этого объяснить, но по какой-то причине язык пришел к нему почти так же легко, как обычный язык к недоверию мастера. Лорд Старк выглядел почти испуганным, когда ему сообщили о его близости к языку, и даже не поздравил и даже не признал его с его достижением, что серьезно

задело маленького мальчика, и, судя по выражению лица его отца, он решил, что был прав. чтобы упомянуть странные сны, которые он видел в течение прошлого года.

Это только еще больше побудило его увеличить свои академические усилия, и он преуспевал во всем, чему его учили, будь то экономика, история, география и даже элементарная форма медицины, которую он начал изучать. Тем не менее, у его отца всегда было выражение гордости на лице, когда он преуспевал в традиционных предметах, но в его глазах всегда была торжественная грусть. Самые забавные реакции, должно быть, принадлежали леди Кейтилин и септе Мордейн, поскольку они продолжали извергать любого, кто хотел слушать, что я использовал грязное колдовство, чтобы преуспеть, как будто то, что я ублюдок, означает, что у меня не может быть компетентного ума.

Как бы он ни любил учиться, Джон ничего не любил больше, чем держать меч в руке и чувствовать прилив крови всякий раз, когда нужно было сражаться. Лорд Старк всегда говорил, что он полон волчьей крови, как и его брат и сестра, с грустной улыбкой, но всегда предупреждал меня, чтобы я держал ее под контролем из-за ужасных последствий, которые обычно возникают, когда она высвобождается. Как обычно, Джон не слушал и начинал действовать, прежде чем думать, его импульсы были слишком сильны, чтобы их можно было контролировать, особенно в отношении леди Кейтилин и ее предвзятых мыслей, которые только усилили бы враждебность между ними, праздник урожая был забавным напоминанием всякий раз, когда он хотел хорошенько посмеяться.

Ах, нет смысла портить мне день, думая о ней. Это был теплый летний день, настолько теплый, насколько это вообще возможно на неумолимом севере с ясно-серым небом и без снега. Идеальные условия для спарринга, но сначала ему нужно было переодеться и добраться до двора как можно быстрее, учитывая, что он уже опаздывал. В своем обычном наряде, состоявшем только из черной одежды, он выбежал во двор, чтобы увидеть, как старый мастер над оружием сир Родрик выкрикивал инструкции разным людям среди тренировки. «Решил наконец объявиться у тебя, Джон», — сказал грубый северянин с огоньком в глазах. «Ну, по крайней мере, ты все еще здесь, раньше лорда Робба и Грейджоя, но я не ценю опозданий, поэтому я хочу, чтобы ты сделал двадцать кругов по двору, парень». Джон не мог не застонать от напряженной работы, когда вместо этого он мог бы спарринговать: «Перестань баловаться, мальчик, которого у нас нет на весь день!» — прогремел старый рыцарь в ответ на его детское поведение.

К тому времени, как он закончил, он превратился в потное месиво, и ему потребовалась вся его сила воли, чтобы не упасть в кучу, какой бы соблазнительной ни выглядела земля. Его ноги болели, но он отмахнулся от чувства усталости, растянув все мышцы, прежде чем сир Родрик направил его в оружейную, чтобы он мог экипироваться кожаными доспехами, чтобы практиковать свои формы против соломенных манекенов на краю двора. Каждое движение, которое он выполнял в своей ортодоксальной стойке, он повторял левой рукой, его взмахи были такими же плавными и естественными. Он мог видеть легкую улыбку, формирующуюся под густыми бакенбардами его инструктора, прежде чем она внезапно исчезла, причина которой была объяснена даже через мгновение, когда Робб и Теон вошли во двор, смеясь, как будто завтра не наступит.

Когда-то они с Роббом были настолько близки, насколько это возможно, братья, всегда держались за бедро, независимо от случая и где бы они ни находились, но с тех пор, как его отец вернулся с восстания Грейджоев с пиздой кракена в качестве заложника, они медленно отдалились друг от друга. Робб по-прежнему был его лучшим другом, и он гордился тем, что называет его братом, однако с появлением Теона несколько лет назад Робб разделил свое внимание между ними обоими. Как бы он ни был раздражен, он не мог завидовать тому, что

его брат подружился с другими истинными наследниками, даже если он был самодовольным, самодовольным кальмаром.

Джон решил сделать перерыв, чтобы выпить немного воды и восстановиться после выполнения инструкций, которые ему дали, не говоря уже о том, что он с нетерпением ждал, когда они оба получат свои наказания за то, что опоздали еще больше, чем он. Сир Родрик начал давать им обоим свой фирменный хлесткий язык, в то время как Робб стыдливо смотрел вниз, в то время как кальмар, как обычно, игнорировал выговоры человека, чтобы он мог направить взгляд туда, где я сидел. казалось, что он был не так осторожен, как думал, потому что сир Родрик только упрекнул его еще больше, что в конце концов, казалось, дошло до него, когда он смущенно отвел глаза. Воистину, что может быть лучше, чем видеть, как высокомерный мальчишка унижается, размышлял он про себя, наблюдая, как им вручают наказание в виде тридцати кругов и обещание лорду Старку рассказать об их поведении, заставляя его брата чувствовать себя еще более стыдно.

Пока они выполняли свое наказание, он решил, что достаточно отдохнул, и снова начал практиковать свои формы, но на этот раз он будет держать по мечу в каждой руке, чтобы имитировать движения в реальном времени. С каждым ударом и ударом Джон терялся в моменте, поскольку мечи просто ощущались как продолжение его рук, в то время как он с легкостью уничтожал манекен. Без его ведома весь двор остановился, чтобы посмотреть на него, многие были шокированы тем, как смертоносно выглядел молодой ублюдок с двумя оружиями, в их представлении он был не более чем вихрем мечей.

«Послушай, ублюдок Робб возомнил себя воином», — издевался Грейджой, тяжело дыша после изнурительного наказания. Это замечание вывело Джона из бешенства, поскольку он заметил, что Робб снова не стал его защищать, а промолчал, предпочитая сохранять нейтралитет. «Ну, по крайней мере, я действительно умею размахивать мечом, маленький кальмар, может быть, тебе следует придерживаться стрельбы из лука, учитывая, что я так сильно втоптал тебя в грязь, но опять же, я не удивлен, так как железные рожденные точно не известны их мастерство фехтования, — возразил я. На его лице можно было увидеть гнев, когда мужчины во дворе смеялись над ним, прежде чем он ухмыльнулся в мою сторону: «Громкие слова для безродного ублюдка, где твоя мать снег?» — издевался он, когда над двором воцарилась оглушительная тишина. «Может, позже я нанесу этой шлюхе визит в бордель».

Знакомое чувство ярости охватило его, когда заложник оскорбил его мать и, не раздумывая, бросился к нему, повалив на землю, намереваясь отплатить кровью за оскорбления, адресованные матери. Прежде чем он успел начать колотить бесполезный мешок с дерьмом, он почувствовал, как пара рук сжала его в медвежьем объятии и остановила от мести. «Хватит этих мелких дрызг!» — прогремел громкий голос сира Родрика. — Вы двое идите в оружейную и готовьтесь к сегодняшнему спаррингу, — приказал он. «Почему ты остановил меня? Он осмелился так жестоко оскорбить мою мать, что заслужил побои, которые я собиралась дать ему!» Джон закричал, когда поток волчьей крови захлестнул его. «Следи за своим тоном, мальчик, я не дал тебе сделать то, о чем ты пожалеешь и будешь сурово наказан, — холодно ответил мастер оружия, — кроме того, ты получишь свой шанс отомстить, когда он вернется».

Многие мужчины посмотрели на молодого ублюдка с сочувствием или пониманием, в то время как горстка, пришедшая в качестве свиты леди Старкс, только насмехалась и бормотала о диком ублюдке, осмеливающимся напасть на своих лучших. Сочетание того и другого только еще больше разозлило мальчика, и он решил использовать это в качестве топлива, когда начнется спарринг. Достаточно скоро они оба вернулись полностью вооруженными, с Теоном, украшающим ухмылку на его уродливом лице, в то время как Робб даже не мог смотреть Джону в глаза, что было признаком того, что он чувствовал себя виноватым из-за того, что

сказал Теон, но для него это не имело значения. собирался заставить гнилого кальмара пожалеть о своих словах.

«Хорошо, сначала, лорд Робб, вы будете спарринговать с Джоном, а победитель вскоре встретится с Теоном, спарринг закончится только уступкой», — приказал сир Родрик. Они оба кивнули в предвкушении и заняли свои места, когда люди начали аплодировать, в то время как другие люди, работавшие в замке, начали выходить во двор, без сомнения, чтобы посмотреть, как их будущий сеньор демонстрирует свои боевые навыки. Джон мог видеть, как Робб бросил на него взгляд извинения, но в тот момент ему было все равно, они должны были быть братьями, и все же он не смог снова защитить его. Обычно он позволял их спаррингам казаться близкими, иногда даже позволяя Роббу побеждать, чтобы не подрывать доверие своего брата, но его апатия, когда дело доходило до оскорблений Теона в его адрес, действовала ему на нервы и какое-то время действовала ему на нервы. теперь ему было наплевать на эго своего брата в данный момент.

Внезапно аплодисменты прекратились, когда люди посмотрели на балкон, наблюдавший за двором, с почтительными взглядами, когда лорд и леди Старк прибыли, чтобы посмотреть, как они спаррингуются. Его отец одарил их обоих гордыми взглядами с теплой улыбкой, в то время как леди Старк то улыбалась Роббу, то бросала на него испепеляющий взгляд. Он решил отказаться от использования щита и принял более агрессивную стойку, а не свой обычный оборонительный стиль, когда он уверенно сжал оба деревянных меча, вращая их в тандеме, вызывая замешательство на лице Роббса при необычном виде. Многие из присутствовавших в замешательстве шептались о том, что они видели, когда он выглядел непринужденно с обоими клинками в руке.

Им было приказано начать, и Джон бросился на своего брата, размахивая правым мечом, который Робб заблокировал своим щитом, нанеся ответный удар собственным ударом, заставив его парировать удар. Джон услышал, как Теон рассмеялся и обменялся монетой с одним из охранников, без сомнения, сделав ставку против него, что ж, похоже, сегодня он потеряет не только свою кровь. Джон изобразил резкий удар левой рукой, когда Робб поднял свой щит, чтобы заблокировать еще раз, только для того, чтобы этого не произошло, поскольку Джон быстро развернулся вправо и тем же движением нанес сильный удар по плечу, судя по тому, как он вздрогнул. на его лице, несомненно, было больно. Со всех сторон вырвались вздохи, так как они не могли поверить, что он на самом деле нанесет удар своему истинному брату, поэтому он собирался устроить шоу. Джон прошупывал и подкалывал защиту своего брата, осыпая его ударами каждый раз, когда он был слишком медленным, чтобы заблокировать или парировать, и, прежде чем он понял это, его брат уронил свой щит, было ли это из-за усталости или боли, для него не имело значения, когда он схватился за меч Роббса. между его собственными и вытащил его из его рук. Когда лезвие упало на землю, Джон поднял свой правый меч и прижал его к груди, ожидая этих драгоценных слов: «Я сдаюсь», — уныло произнес Робб.

— Подними свой меч, Грейджой, твоя очередь, — прорычал Джон, не удосужившись даже пожать руку своему брату или хотя бы признать его. Теон только усмехнулся в ответ, но тревога в его глазах была видна всем, и это только еще больше подстегнуло Джона к тому, что должно было произойти. Как только сир Родрик дал им разрешение начать, Джон, не теряя времени, надавил на переднюю ногу, чтобы продолжить бой в своем агрессивном стиле, как и в предыдущем бою. Он застал Грейджоя врасплох тем же приемом и вращением, что и против Робба, но на этот раз он сделал это с намерением причинить боль. Теон мог только выругаться в ответ, прежде чем он подчинился собственному гневу и начал размахивать мечом, как сумасшедший, пытаясь отплатить за услугу, но он был слишком медленным, так как Джон не удосужился парировать ни один из ударов, а уклонился и ответил ударом. собственная

забастовка. Прилив волчьей крови прошел сквозь него, когда он почувствовал, что двигается быстрее, чем когда-либо, каждый удар чувствовал силу, и он ни разу не замедлился, как будто у него был бесконечный запас энергии. Он был вихрем мечей, поскольку каждый удар начал находить свою цель без ответа. Каждый удар приносил ему огромную радость, поскольку Теон изо всех сил пытался защищаться со скоростью и плавностью, с которой он сражался. «Извини за свои слова, маленький кальмар, и я мог бы подумать о том, чтобы проявить милосердие», — ледяным тоном заявил Джон.

Слова, казалось, сломали что-то внутри Железнорожденного, когда он зарычал, прежде чем безрассудно взмахнуть мечом сверху с громким ворчанием, пытаясь наконец нанести удар, вероятно, думая, что он может разрубить Джона пополам, даже если они использовали деревянные лезвия. Джон не мог сдержаться, когда на его лице появилась ухмылка, когда идиот попал в свою ловушку, когда Теон опустил свой меч, Джон отступил в сторону и поднял свой собственный меч во вспышке, ударив его по лицу, до крови. Дурак решил не использовать шлем, и это стоило ему, было очевидно, что он был ошеломлен, когда его рука с мечом опустилась на бок, решив не упускать такую славную возможность, он нанес шквал ударов по своему туловищу, прежде чем заставить его колено с разрезом на задней части ноги. Теперь, чтобы финишировать стильно, Джон ударил себя коленом в лицо, когда почувствовал, как его нос треснул от удара, а явная сила, стоявшая за ним, заставила более крупного парня упасть на спину. Кровь начала течь из его носа и слезы из глаз, прежде чем он осознал это, меч был приставлен к его шее, когда он поднял взгляд, он увидел суровые фиолетовые глаза, уставившиеся на него.

«Я предложил тебе милосердие, если бы ты только смог проглотить свою гордыню, но ты этого не сделал... так что теперь я хочу услышать, как ты произносишь слова», — прорычал Джон своему униженному врагу. — Я... я сдаюсь, — Теон мог только заикаться от страха. Когда Джон сделал шаг назад, он почувствовал взгляды всех, направленных на него с эмоциями, варьирующимися от благоговения до недоверия, даже те, кто ненавидел его нутро, не могли не дрожать от страха в клинике, которую молодой ублюдок устроил против гораздо большего и старший противник. Он посмотрел на балкон, чтобы увидеть реакцию своего отца, и увидел неодобрение в его серых глазах, когда его, казалось бы, бесчестное колено было направлено на приземлившегося противника, но сейчас ему было все равно. Лицо леди Кейтилин было наполнено яростью, и она яростно шептала своему мужу, несомненно, желая, чтобы его наказали за то, что он с такой легкостью избил Робба, а затем полностью уничтожил Теона. Он пронзил ее огненным взглядом, когда она повернулась к нему, заставив ее вздрогнуть. на ярость в этих темных шарах.

Джон вспомнил каждый раз, когда она оскорбляла его мать, и, не задумываясь, продолжал смотреть на нее и говорил: «В следующий раз, когда кто-нибудь захочет оскорбить мою мать, их постигнет гораздо худшая участь, чем его», — он указал на кровавое месиво, в которое превратился Теон. Сир Родрик пошел помочь ему подняться. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться или заговорить с ним, он вышел со двора, чтобы искать утешения у Древних Богов, поскольку он был не в настроении ни для выговора своего отца, ни для непрекращающегося визга своей леди-жены. За его спиной он мог видеть, как люди обменивают монеты, рассчитывая свои ставки, и шепчутся о жестоком представлении, которое они видели. Некоторые даже подтвердили свою веру в то, что он был сыном леди Ашары Дейн, поскольку, несомненно, такие навыки могли быть только напоминанием о легендарном мече утра, и с его фиолетовыми глазами это было единственным логичным объяснением.

Однако Джон не был глуп, леди Ашара не могла быть его матерью, поскольку даты не совпадали, учитывая тот факт, что он родился после восстания, что означало, что время его зачатия должно было быть, когда его отец был в походе во время войны. Много раз Джон

рассказывал об этом своему отцу и умолял его раскрыть личность своей матери, но его отец не говорил ни слова и говорил, когда он был старше. Были времена, когда он ничего не хотел, кроме как просто чертовски хорошенько избить своего отца, но он никогда не мог по-настоящему причинить ему боль, этот человек вырастил его под своей крышей, накормил и одел его.

Однако такое обращение только сбило Джона с толку: почему ему дали такое привилегированное воспитание, когда, будучи низкородным, он не должен был ничего унаследовать? Это было одной из причин, по которой Джон хотел исследовать мир, известное и неизвестное. так что он, возможно, однажды найдет место, где он принадлежит. Как бы он ни любил свою семью, ну, во всяком случае, большинство из них, он никогда не был бы Старком, потому что он был Сноу, изгоем, и независимо от того, сколько его отец говорил о стае, он действительно был одиноким волком.

«Старые боги, если вы слушаете, пожалуйста, я просил вас только об одном, прошу вас, позвольте мне узнать о моей матери», — умолял он перед деревом сердца. Джон молча опустил на колени и ждал какого-то ответа или знака, но ничего не последовало. Он раздраженно хмыкнул и прошептал ветру: «Даже боги не считают меня достойным ответов». Возможно, ему пора было уйти и найти свое место в мире, даже если оно было далеко за Узким морем, вдали от его семьи. Он будет скучать по своим братьям и сестрам, особенно по Арье, его свирепой волчице, но она была сильной и выдержит, он тоже будет скучать по отцу, но он никогда не сможет простить мужчине нежелание отказаться от имени своей матери.

Он быстро ушел из Богороши, решителен в каждом шаге, даже не обернувшись ни разу, иначе он заметил бы слезы, падающие с лица дерева сердца, когда оно оплакивало его.

Перевод с валирийского: «Скоро, мой чемпион, вы будете едины, и мир будет дрожать перед вами. каждый мужчина, женщина и ребенок услышат твою песню, обещанную песню, песню льда и огня, это я обещаю тебе, юный дракон».

<http://tl.rulate.ru/book/86934/2784410>